Археологические вести

— 28 —

Archaeological news

28
(2020)

Saint-Petersburg
2020

Археологические вести

28
(2020)

Санкт-Петербург
2020

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

Н. В. Хвощинская (главный редактор), О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Л. Г. Шаяхметова

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — **Вып. 28** / [Гл. ред. Н. В. Хвощинская]. — СПб., 2020. — 463 с.: ил.

Очередной специальный номер журнала «Археологические вести» посвящен памяти Евгения Николаевича Носова — крупного ученого в области средневековой археологии и истории Северной Руси и Балтийского региона. В мемориальной части рассматривается его научный и научно-организационный вклад в развитие отечественной археологии. В одном из разделов собраны работы по теме древнего Новгорода. В другом — обсуждается широкий круг вопросов и проблем, связанных со средневековыми памятниками Восточной Европы. Отдельно выделены статьи по истории, архитектуре и этнографии. Среди авторов журнала — исследователи из различных центров России, Франции, Великобритании и Ирландии.

This special yearbook of “Archaeological News” is dedicated to the memory of Evgeniy Nikolayevich Nosov — a prominent scholar in mediaeval archaeology, the history of Northern Rus' and the Baltic region. In the memorial section of this collection, his scientific and organizational contribution to the national archaeology is considered. In one of the sections, the works on the early Novgorod are presented. In the other, a wide circle of questions and problems concerned with mediaeval sites of Eastern Europe is discussed. A particular section includes articles on history, architecture and ethnography. The authors are represented by researchers from different centres of Russia, France, Great Britain and Ireland.

ISSN 1817-6976

Первая страница обложки — Древнерусское кольцо (золото). Рюриково городище, раскопки 1985 г.
First page of cover — Old Russian ring (gold). Rurik gorodishche, excavations in 1985

Четвертая страница обложки — Общий вид на Рюриково городище во время весеннего паводка
Fourth page of cover — General view of Rurik gorodishche during a flood

Подписной индекс 80325

© Институт истории материальной культуры РАН, 2020
© Коллектив авторов, 2020
© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2020

Привески-лунницы с Троицкого раскопа (хронология)¹

Л. В. Покровская²

Аннотация. В хронологическом распространении лунниц, найденных на Троицком раскопе (32 экз.), хорошо прослеживается первый период их бытования (X — первая половина XI в.), который подтверждается неревскими материалами. Хронологическая лакуна второй половины XI в. предполагает, во-первых, сакральное значение привесок-лунниц как языческих амулетов в первом периоде, а во-вторых, вероятную утрату их первоначального значения к началу XII в. Можно предположить, что уже в конце XII — начале XIII в. они могли восприниматься городским населением как христианские амулеты и были связаны с культом Богородицы.

Annotation. In the chronological distribution of the lunate objects found at the Troitsky (32). Excavation, the first period of their use (10th — first half of the 11th century) is well traceable and substantiated through Nerevsky finds. The chronological lacuna of the second half of the 11th century suggests, firstly, the sacral significance of lunate pendants as heathen amulets in the earliest period and, secondly, the possible loss of their sacral meaning by the early 12th century. Perhaps, since the 12th century, lunate pendants became ordinary female ornaments having lost their sacral function. As it seems, already as early as in the late 12th — beginning of the 13th century, they were possibly considered by the urban residents as Christian amulets and were connected with the cult of the Mother of God.

Ключевые слова: средневековый Новгород, археология, Людин конец, Троицкий раскоп, привески-лунницы, систематизация, хронология, семантика.

Keywords: mediaeval Novgorod, archaeology, Lyudin Konets, Troitsky Excavation, lunate pendants, systematization, chronology, semantics.

DOI: 10.31600/1817-6976-2020-28-152-159

Археологическое изучение средневекового Людина конца на Троицком раскопе было начато в 1973 г. и продолжается до сих пор. Здесь открыт целый квартал средневекового Новгорода с улицами Пробойной, Черницыной, Рядятиной и прилегающими к ним усадьбам (рис. 1). В настоящее время полностью раскопана площадь более 7000 кв. м. Возможность достаточно точного датирования новгородских материалов, полученных в процессе археологических работ, а также их изучение на больших площадях в широком хронологическом диапазоне (с X по XIV в.), делают

выборку предметов, найденных на Троицком раскопе, достаточно представительной. Это, в свою очередь, позволяет объективно оценивать динамику распространения разнообразных категорий, групп и типов вещей в новгородском культурном слое. Кроме того, археологические исследования на Троицком раскопе в XXI в. существенно дополнили новгородскую вещевую коллекцию, что позволяет по-новому рассматривать некоторые, казалось бы, уже изученные вопросы. Среди предметов, количество которых значительно увеличилось, благодаря археологическим работам на Троицком раскопе, — лунницы (32 экз.).

Изучению древнерусских лунниц уже более 100 лет, а проблемы их типологии, периодизации, происхождения и семантики обсуждаются до сих пор. Классификация лунниц, разработанная В. В. Гольмстен в 1914 г. (Гольмстен, 1914. С. 90), актуальна и в настоящее время. По соотношению

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-09-00372А «Археологические исследования Людина конца средневекового Новгорода»).

² Кафедра археологии, исторический факультет, МГУ им. М. В. Ломоносова; Ломоносовский пр., д. 27, кор. 4, г. Москва, 119192, Россия.

Рис. 1. Новгород Великий. Троицкий раскоп. Ситуационный план

Fig. 1. Novgorod. Troitsky Excavation. Situational plan

длины средней горизонтальной линии к расстоянию между рогами лунницы были разделены на следующие: ширококорогие, узкорогие или круторогие, замкнутые. Кроме того, по форме «рожек» был выделен тип «остророгих» лунниц, а также варианты, вынесенные в отдельные типы (прорезные, включенные, крещатые и т. п.). По размерам лунницы были разделены на большие, средние и малые (Там же, 1914. Рис. 4, 11, 13, 17, 19, 20, 24). По археологическим материалам Новгорода время бытования древнерусских замкнутых и круторогих лунниц было продлено до XIII в. (Седова, 1981. С. 24–26). На то, что распространение ширококорогих лунниц ограничивается XI в. и в этот период их заменяют узкорогие, указывала А. В. Успенская (Успенская, 1967. С. 99–105). Семантика лунниц рассматривалась в ряде работ и до сих пор вызывает дискуссии (Хаймако, 2008. С. 319–338). В настоящее время наиболее распространенным остается мнение о том, что лунницы были типичным славянским украшением и символизировали луну (Седова, 1981. С. 23; Седов, 1995. С. 112–116).

В Новгороде, в том числе и на Троицком раскопе, есть ширококорогие, круторогие, замкнутые лунницы и их варианты. В основном они изготовлены из бронзы и свинцово-оловянистого сплава, однако есть серебряные и золотые (миниатюрные привески к рясам) экземпляры (Седова, 1981. С. 17, 23–26). Всего на Троицком раскопе собрано 29 хорошо датированных привесок-лунниц. Кроме того, здесь найдено три лунницевидных предмета без орнамента, без ушка или отверстия для привешивания. На Неревском раскопе лунниц почти в три раза меньше (12 экз. и один лунницевидный предмет), а на других раскопах их количество не превышает одного-двух экземпляров. Возможно, такое увеличение находок привесок-лунниц на Троицком раскопе связано с тем, что здесь обнаружены каменные литейные формы, в которых они изготавливались, и следы ювелирного производства (Ениосова и др., 2011. С. 139–140). Кроме того следует отметить, что время их бытования, благодаря археологическим исследованиям на Троицком раскопе, расширилось с первой половины X в. (4 экз.) до первой половины XIV в. (3 экз.).

X век (5 экз.). Круторогая привеска-лунница (рис. 2, 2) из слоев второй четверти X в. происходит с Троицкого X раскопа (предматерик, кв. 1049), где самые ранние слои датируются 30-ми гг. X в. (Фараджеева и др., 2013. С. 131–133). К середине столетия относятся три ширококорогие лунницы,

найденные на Троицком XIII раскопе (участок Г1, рис. 1) (пл. 18, кв. 1852; пл. 17, кв. 1822 (2 экз., рис. 2, 4, 5)). Здесь, так же как и на Троицком X раскопе, есть слои 30-х гг. X в. (Янин и др., 2015. С. 56). Во второй половине X в. на Троицком раскопе найдена круторогая лунница (пл. 27, кв. 418; рис. 2, 1). По неревским материалам к X в. относятся находки четырех ширококорогих лунниц, причем одна из них найдена в составе остатков ожерелья из глазчатых бус (Седова, 1981. С. 24; рис. 6, 6).

XI век (5 экз.). В первой половине XI в. на Троицком раскопе найдены три лунницы. Ширококорогие (пл. 18, кв. 1714; рис. 2, 3), круторогие (пл. 16–17, отвал Троицкого XIII раскопа 2008 г., пл. 15, кв. 1810) и один лунницевидный предмет (пл. 19, кв. 417). В слоях второй половины XI в. — одна круторогая лунница (пл. 14, кв. 1609; рис. 2, 6).

XII в. (9 экз.). В слое первой половины XII в. на Троицком раскопе обнаружено пять лунниц. Круторогие: крестовключенная (пл. 13, кв. 1795; рис. 2, 7), малая (пл. 11, отвал Троицкого XIV раскопа 2005 г.), обломанная (пл. 10, кв. 1781); ширококорогая (пл. 12–13, отвал Троицкого XIV раскопа 2006 г.; рис. 2, 8); одна обломанная неустановленного типа (пл. 9, кв. 1842; рис. 2, 12). В слое второй половины XII в. — три круторогие лунницы: первая — пл. 9, кв. 1254; рис. 2, 11; вторая — с перепонкой, на которую надеты кольца (пл. 8, кв. 1831; рис. 2, 9); третья — с эмалевой вставкой (?) (пл. 7, кв. 1856; рис. 2, 10) и лунницевидный предмет (пл. 12, кв. 420).

На Неревском раскопе в слоях первой половины XI в. и первой половины XII в. лунниц нет, а из слоев середины XI в. происходит одна круторогая лунница (Там же, 1981. С. 24).

XIII век (10 экз.). К первой половине XIII в. на Троицком раскопе относятся находки пяти лунниц. Круторогая с включением в виде шарика (пл. 5, кв. 1813; рис. 2, 13), круторогая миниатюрная (пл. 8, кв. 177), замкнутая (пл. 8–10, северная траншея Троицкого IV раскопа) и два обломка неустановленного типа, возможно, круторогие (пл. 4, кв. 1836, пл. 4, кв. 1859; рис. 2, 15). В слоях второй половины XIII в. на Троицком раскопе обнаружены три круторогие лунницы (пл. 4, кв. 1090; рис. 2, 14; пл. 1, кв. 937; пл. +1, кв. 1912; рис. 2, 16); одна замкнутая лунница (пл. 1, кв. 937) и лунницевидный предмет (пл. 6, кв. 90). На Неревском раскопе в слоях XIII в. обнаружено шесть лунниц: две круторогие, три замкнутые и лунницевидный предмет (Там же, 1981. С. 24–26).

Рис. 2. Привески-лунницы с Троицкого раскопа: 1–6 — вторая половина X — XI в.: 1 — пл. 27, кв. 418; 2 — предматерик, кв. 1049; 3 — пл. 18, кв. 1714; 4 — пл. 17, кв. 1822, пол. № 137; 5 — пл. 17, кв. 1822, пол. № 138; 6 — пл. 14, кв. 1609; 7–12 — XII в.: 7 — пл. 13, кв. 1795; 8 — пл. 12–13, отвал Троицкого XIV 2006 г. (конец XI — начало XII в.); 9 — пл. 8, кв. 1831; 10 — пл. 7, кв. 1856; 11 — пл. 9, кв. 1254; 12 — пл. 9, кв. 1842; 13–18 — XIII–XIV вв.: 13 — пл. 5, кв. 1813; 14 — пл. 4, кв. 1090; 15 — пл. 4, кв. 1859; 16 — пл. +1, кв. 1912; 17 — пл. +2, кв. 926; 18 — пл. 1, кв. 1228

Fig. 2. Lunate pendants from the Troitsky excavation: 1–6 — the 2nd half of the 10th — 11th cen.: 1 — stratum 27, sq. 418; 2 — stratum nearest to the virgin soil, sq. 1049; 3 — stratum 18, sq. 1714; 4 — stratum 17, sq. 1822, field inv. no. 137; 5 — stratum 17, sq. 1822, field inv. no. 138; 6 — stratum 14, sq. 1609; 7–12 — 12th cen.: 7 — stratum 13, sq. 1795; 8 — stratum 12–13, earthen spoil from Troitsky XIV of 2006 (late 11th — early 12th cen.); 9 — stratum 8, sq. 1831; 10 — stratum 7, sq. 856; 11 — stratum 9, sq. 1254; 12 — stratum 9, sq. 1842; 13–18 — 13th–14th cen.: 13 — stratum 5, sq. 1813; 14 — stratum 4, sq. 1090; 15 — stratum 4, sq. 1859; 16 — stratum +1, sq. 1912; 17 — stratum +2, sq. 926; 18 — stratum 1, sq. 1228

XIV в. (3 экз.). К слою первой половины XIV в. относятся находки одной круторогой лунницы (пл. 1, кв. 1228; рис. 2, 18) и двух замкнутых (пл. +2, кв. 926; рис. 2, 17; пл. +1/+2, кв. 926). На Неревском раскопе время бытования лунниц ограничивается серединой XIII в. (Там же, 1981. С. 24–26).

График хронологического распределения (рис. 3) привесок-лунниц, найденных на Троицком раскопе, демонстрирует некоторые особенности их распространения в этой части Людина конца средневекового Новгорода, а привлечение

материалов Неревского раскопа позволяет выявить закономерности их бытования в Новгороде.

Привески-лунницы появляются вместе с первопоселенцами, заселившими район средневекового Людина конца, открытый в процессе археологических исследований на Троицком раскопе. Аналогичная картина прослеживается и на Неревском раскопе, где самые ранние лунницы датируются серединой X в. (Там же, 1981. С. 24). Поэтому, видимо, у населения, основавшего Новгород, привески-лунницы уже использовались

Рис. 3. График хронологического распределения привесок-лунниц, найденных на Троицком раскопе
 Fig. 3. A graph of the chronological distribution of the lunate pendants, found on the Troitsky excavation

в женском уборе, сложение которого выходит за рамки изучаемого периода. Практически все лунницы первой половины X в., кроме одной (рис. 2, 2), — ширококорогие. Ко второй половине столетия относится находка только одной круторогой лунницы (рис. 2, 1). Поэтому можно предположить, что ширококорогие лунницы использовались в уборе только первопоселенцев, и в дальнейшем этот тип лунниц не получает развития в городской среде. Находки в слое первой половины XI в. (рис. 2, 3) и первой половины XII в. ширококорогих лунниц (рис. 2, 8), возможно, объясняются переживанием некоторых предметов времени их бытования на довольно длительный срок. Датированные находки лунницевидных предметов с Рюрикова городища (Дорофеева, 2018. С. 40–43) органично вписываются в этот период бытования лунниц в Новгороде (рис. 3).

Следующий пик распространения привесок-лунниц на усадьбах, открытых в процессе археологических исследований на Троицком раскопе, относится к первой половине XI в. (рис. 3). Возможно, здесь прослеживается разрыв традиции в использовании в женском уборе ширококорогих лунниц и включение в городской убор круторогих. На Неревском раскопе единственная лунница

середины XI в. относится к переходному типу от ширококорогих к круторогим (Седова, 1981. С. 24, рис. 6, 2).

Во второй половине XI в. на Троицком раскопе прослеживается хронологическая лакуна в распространении привесок-лунниц (рис. 3). К этому периоду относится одна находка круторогой лунницы, которая органично вписывается в предыдущий период их бытования. Та же картина наблюдается и по неревским материалам, где после середины XI в. привески-лунницы появляются не ранее рубежа XII — XIII вв. (Там же, 1981. С. 24). Поэтому можно предположить, что в средневековых районах Людина и Неревского концов, открытых на Троицком и Неревском раскопах, происходит разрыв традиции в использовании лунниц в городском женском уборе, что, видимо, подразумевает их сакральное значение. В динамике распространения тех типов украшений, которые сопоставимы по количеству с привесками-лунницами, прослеживаются совершенно иные закономерности. Их количество либо увеличивается с течением времени, либо они бытуют непродолжительный хронологический период (Седова, 1981. С. 186–192; Покровская, 2004. С. 151–160). Эти факты, на мой взгляд, позволяют

Fig. 4. Schematic plan of the Troitsky excavation with the properties marked

Следующий пик распространения в городских культурных напластованиях лунниц на Троицком раскопе датируется первой половиной XII в., и до первой половины XIV в. они распределяются достаточно равномерно (рис. 3). На Неревском раскопе, как уже было сказано выше, этот период ограничивается концом XII — третьей четвертью XIII в. Увеличение количества привесок-лунниц (5 экз.) в слоях первой половины XII в. связано с археологическими исследованиями на Троицких XIII и XIV раскопах (рис. 1). Их появление здесь, вероятно, можно считать особенностью женского убора жительниц усадеб, открытых в южной части Троицкого раскопа (рис. 4), а о характере этой специфики можно судить только при комплексном изучении этих усадеб. Привески-лунницы, найденные в слоях самого начала XIV в., проис-

До начала XIII в. часть Людина конца, исследованная на Троицком раскопе, была окраиной аристократического района и принадлежала боярскому клану Мирошки Нездинича (*Хорошев*, 1994. С. 54–66). Результатом политической борьбы двух боярских кланов Людина конца (боярского клана Прусской улицы — Михалковичей — и боярского клана Нездиничей-Мирошкиничей) стала победа прущан в начале XIII в. и разорение городских владений Мирошкиничей (НПЛ, 1950. С. 51, 248). В первой четверти XIII в. территория, принадлежащая боярскому клану Мирошкиничей, видимо, передается новым поселенцам.

В это время усадьбы значительно уменьшаются по площади, отмечается заметное обеднение вещевого комплекса (Хорошев, 1994. С. 54–66). Можно предположить, что новое население «троицких» усадеб (или какая-то его часть) переселилось сюда с северо-западных окраин Новгородских земель. В этот период весь набор женских украшений, найденных на Троицком раскопе более «провинциален», чем неревский (Покровская, 2007. С. 47–51). И, видимо, с этим связано столь длительное бытование привесок-лунниц в этой части средневекового Людина конца.

Таким образом, в хронологическом распространении лунниц на двух крупнейших новгородских раскопах хорошо прослеживается первый этап их бытования, который датируется самым ранним периодом существования Новгорода. Хронологическая лакуна второй половины XI в. предполагает, во-первых, сакральное значение привесок-лунниц как языческих амулетов, а во-вторых, утрату их первоначального значения в начале XII в. (рис. 3). Рамки хронологического распространения привесок-лунниц существенно расширились в результате археологических исследований на Троицком раскопе, что, возможно, объясняется некоторыми особенностями женского убора этой части Людина конца. Возможно, с XII в. привески-лунницы становятся обычным женским украшением и утрачивают свою сакральную функцию. Однако, на мой взгляд, нельзя не остановиться на гипотезе, которая предлагает считать лунницы христианским оберегом и связывать их с культом Девы Марии (Хаймако,

2008. С. 334). Так, например, в погребениях Которска и Раглицы второй половины XII в. лунницы были обнаружены в комплексе с нателными иконками Успения Богородицы и Спаса (Мусин, 2002. С. 87). Кроме того, предположение о связи лунниц с культом Богородицы обосновывается на привлечении поздних католических иконографических сюжетов, которые, в том числе, фиксируются в западноукраинской иконографии XVII–XVIII вв. (Бланкофф, 1992. С. 26; Пивоваров, 2006. С. 230–231). Думаю, что можно предложить более близкие и ранние аналогии, демонстрирующие связь лунничных украшений с культом Богородицы, например, золотые рясы с привесками-лунницами с неизвестной иконы Богоматери XIV в. из Музеев Московского Кремля (Стерлигова, 2018. С. 222, рис. 8). Золотые привески к рясам с лунницами известны на Неревском, Ильинском, Михайловском (Седова, 1981. С. 14–18, рис. 4, 1–4) и Троицком (пл. 8, кв. 177) раскопах. Кроме того, на Троицком раскопе зафиксированы две миниатюрные привески-лунницы из свинцово-оловянистого сплава (пл. 11, отвал Троицкого XIV раскопа 2005 г., пл. 1, кв. 937), которые также могли быть деталями рясы. Можно предположить, что переосмысление языческого сакрального значения лунниц как женского оберега происходит в Новгороде не ранее первой половины XII в. Однако исследование процесса религиозного синкретизма в древнерусском городе выходит за рамки изучения археологических материалов, полученных в результате работ только в одной части города.

Бланкофф, 1992 — Бланкофф Ж. Языческие пережитки в женских украшениях Древней Руси // 1000 років Чернігівській єпархії. Чернігів: Сіверянська думка, 1992. С. 26–30.

Гольмстен, 1914 — Гольмстен В. В. Лунницы Исторического музея // Отчет Исторического музея за 1913 год. М.: Синод. тип., 1914. С. 1–20.

Ениосова и др., 2011 — Ениосова Н. В., Покровская Л. В., Сингх В. К., Тарабардина О. А. Ювелирные мастерские Людина конца средневекового Новгорода // Тр. III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб.: ИИМК РАН, 2011. Т. 2. С. 139–140.

Дорофеева, 2018 — Дорофеева Т. С. Лунницы Рюрикова городища // Нескончаемое лето: Сб. ст. в честь Елены Александровны Рыбиной. М.; Великий Новгород; СПб.: Любавич, 2018. С. 40–43.

Мусин, 2002 — Мусин А. Е. Христианизация Новгородской земли в IX–XIV вв. Погребальный обряд и христианские древности. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002. 269 с.

НПЛ, 1950 — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 642 с.

Пивоваров, 2006 — Пивоваров С. В. Середньовічне населення межиріччя Верхнього Пруту та Середнього Дністра (XI — перша половина XIII ст.). Чернівці: Зелена Буковина, 2006. 299 с.

Покровская, 2004 — Покровская Л. В. Ювелирные украшения Людина конца средневекового Новгорода: хронология (по материалам Троицкого раскопа) // Вторые Новгородские археологические чтения: Материалы науч. конф., посв. 70-летию

- археологического изучения Новгорода и 100-летию со дня рождения А. В. Арциховского. Великий Новгород: Тип. «Новгород», 2004. С. 151–160.
- Покровская, 2007 — Покровская Л. В. Ювелирные украшения Людина конца средневекового Новгорода (по материалам Троицкого раскопа) // Вестник РГНФ. М.: б. и., 2007. Т. 3, № 48. С. 36–51.
- Седов, 1995 — Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. М.: ИА РАН, 1995. 416 с.
- Седова, 1981 — Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981. 195 с.
- Стерлигова, 2018 — Стерлигова И. А. Новгородский след древнерусских золотых ряс // Неспончаемое лето: Сб. ст. в честь Елены Александровны Рыбиной. М.; Великий Новгород; СПб.: Любавич, 2018. С. 219–223.
- Успенская, 1967 — Успенская А. В. Нагрудные и поясные привески // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М.: Советская Россия, 1967 (Тр. ГИМ; Вып. 43). Вып. 3. С. 99–105.
- Фараджеева и др., 2013 — Фараджеева Н. Н., Тарабардина О. А., Гайдуков П. Г. Усадьба «И» Ярышевой улицы Троицкого раскопа. Топография, стратиграфия, хронология // НиНЗ ИА. Великий Новгород: НГОМЗ, 2013. Вып. 27. С. 127–140.
- Хаймако, 2008 — Хаймако Н. Древнерусские лунницы XI–XIII вв.: проблема происхождения // Наукові записки з Української історії: збірник наукових статей. Переяслав-Хмельницький: Золоті литаври, 2008. Вип. 20. С. 319–338.
- Хорошев, 1994 — Хорошев А. С. Топография, стратиграфия, хронология и усадебная планировка Троицкого раскопа (усадьба «А») // [Первые] Новгородские археологические чтения. Новгород: б. и., 1994. С. 54–66.
- Янин и др., 2015 — Янин В. Л., Рыбина Е. А., Покровская Л. В., Сингх В. К., Степанов А. М., Тянина Е. А. Работы в Людином конце Великого Новгорода в 2014 г. (Троицкие раскопы: XIII-Г, Г-1 и XV) // НиНЗ ИА. Великий Новгород: Первый ИПХ, 2015. Вып. 29. С. 51–65.

Lunate pendants from the Troitsky Excavation (chronology)

L. V. Pokrovskaya

Due to the possibility of a fairly exact dating of Novgorod archaeological materials, as well as their study over large areas and a wide chronological range (from the 10th to 14th century), the sample of finds from the Troitsky Excavation becomes a fairly representative one, enabling us to define the chronological regularities in their distribution throughout the cultural layer. Totally twenty eight lunate pendants and three lunula-like ornaments reliably dated to within half a century have been collected from the Troitsky Excavation. In the chronological distribution of the lunate objects found at the Troitsky Excavation, the first period of their use (10th — first half of the 11th century) is well traceable and substantiated through Nerevsky finds. The chronological lacuna of the second half of the 11th century suggests, firstly, the sacral significance of lunate pendants as heathen amulets in the earliest period and, secondly, the possible loss of their sacral meaning by the early 12th century. Perhaps, since the 12th century, lunate pendants became ordinary female ornaments having lost their sacral function. As it seems, already as early as in the late 12th — beginning of the 13th century, they were possibly considered by the urban residents as Christian amulets and were connected with the cult of the Mother of God. However, an investigation of the process of the religious syncretism in Old-Russian town is beyond the frame of studies of archaeological evidence obtained only in a single part of the city.